

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

ВЗГЛЯД НА КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ВОЛЖСКОЙ ПРОВИНЦИИ ОТ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ЕКАТЕРИНЫ II ДО ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

Рецензия на монографию: *Майорова А. С. Русская культура в Саратовском Поволжье в конце XVIII – первой половине XIX века. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. 348 с.*

Жанр научной монографии, определенный для новой книги А. С. Майоровой, заставляет обратить особое внимание на теоретические и методологические основы исследования, аргументацию выдвинутых положений, сделанные ею выводы. Не останавливаясь специально на просветительском значении издания, скажем только, что его следует признать ценным в познавательном отношении и полезным с точки зрения воспитания уважения к культурному наследию родной страны и отеческого края.

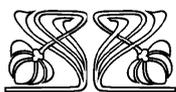
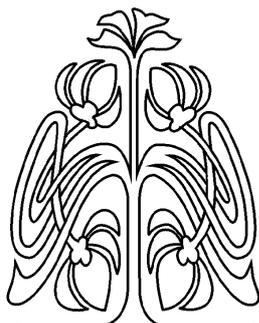
Необходимость исследования, проведенного в обозначенных автором географических и хронологических рамках, не вызывает сомнений. Культура «вообще» – понятие слишком отвлеченное и абстрактное. На самом же деле в современной ли жизни, в переживании ли прошлого мы всегда имеем дело с культурным наследием определенной эпохи, конкретной земли и живущего на ней народа. Без учета «хроноса» и «локуса» памятников истории, художественных произведений, других «пространств памяти» составить правильное и полное представление об отечественной культуре невозможно. Попытка охватить культуру страны разом приводит часто к рассмотрению только культуры столиц с вкраплениями провинциальных сюжетов, да и то нередко для того, чтобы только показать превосходство столичных образцов над «отсталой» периферией.

Более продуктивным является разговор о разных «вариациях на тему» одной национальной культуры, отличающихся не столько уровнем развития, сколько территориальными особенностями, продиктованными природными, социальными, бытовыми различиями городов или регионов. Вот и в данном случае речь идет о русской культуре в определенной части Поволжья и в очерченное время. А. С. Майоровой удалось показать методологическую необходимость учета таких различий для страны в целом и обосновать их специфику применительно к Саратовскому краю, который внес незаменимый вклад в отечественное культурно-историческое наследие.

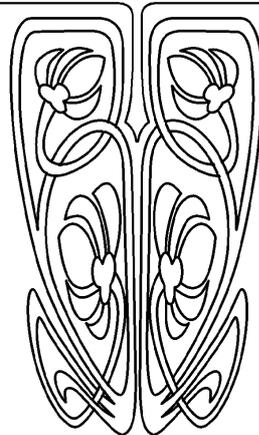
Вполне оправданным выглядит выбор периода истории. Он охватывает переход от традиционной культуры к культуре нового времени, каким стало для России XVIII «столетие велико и мудро», и предреформенные десятилетия начавшегося в XIX столетии «золотого века русской культуры».

Начальной точкой в изложении стало основание Саратовской губернии. Обоснование связи административных преобразований с социально-культурными изменениями А. С. Майорова уже давала в своих публикациях¹. С ней согласны те исследователи, которые отмечают наличие в губернском городе необходимых «средств для активизации интеллектуальной жизни, присущих административному центру высокого ранга»².

Первая половина XIX в. по числу историко-культурных исследований уступает эпохам реформ, которые, с одной стороны, связаны с

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

крупными преобразованиями в области культуры петровского времени и «века Просвещения», а с другой стороны, с падением крепостничества. Отрадно, что эта часть XIX столетия в монографии справедливо ушла из разряда проходного этапа, став продолжением, следствием, итогом культурных процессов, начатых в предшествующем столетии, и временем подготовки новых качественных изменений.

Появление исследования А. С. Майоровой тем более ценно в условиях, когда, к сожалению, для целого ряда работ в порядке вещей стали невниманием к хронологии событий в области культуры, пренебрежением их фактической стороной, замена реальных причинно-следственных связей надуманными или малообоснованными построениями. Избежать нарушения принципов научности и объективности удастся, прежде всего, благодаря прочной теоретической и методологической базе исследования.

Вдумчиво и обоснованно разъяснены положения системно-функционального подхода к культурным явлениям, поддержанного А. С. Майоровой. Дано понятие культурного пространства, легшего в основу многих авторских рассуждений. Сильной стороной учёного является также хорошее знание источников и литературы по поднятым вопросам, их грамотный анализ, что позволяет уйти от событийно-фактологических недочетов и от ошибочной оценки культурно-исторических явлений.

Длительное время изучение отечественной культуры исходило из конкретно-отраслевого, дифференцированного подхода, в основу которого были положены рассмотрение отдельных отраслей культуры и аксиологический принцип равнения на идеальную модель, должную быть в культуре. Открывая возможности углубленного детального анализа той или иной области культуры, такой подход не давал достаточного представления о культуре как определенной сфере общественной жизни, о закономерностях развития историко-культурных явлений. Отраслевое изучение культуры не учитывает все стороны бытования культуры и распространения культурных новаций в обществе.

Интеграционный, или системно-функциональный, подход в исследовании культуры, сторонницей которого выступает А. С. Майорова, является сравнительно новым. Однако интерес к нему проявляют многочисленные историки культуры, философы, культурологи, искусствоведы, литературоведы и специалисты в области других смежных дисциплин. Комплексные исследования в рамках данного подхода ведутся в лаборатории русской культуры исторического факультета Московского университета. Многотомные труды этого коллектива, посвященные культуре XVIII–XIX вв. и вышедшие в 1985–2005 гг.³, А. С. Майорова хорошо знает, удачно использует и интерпретирует.

Системно-функциональный подход к изучению истории культуры позволяет охватить всю сферу культурной жизни. В ней при всей важности «культурных вершин» и их создания приобретают социальную значимость также распределение и потребление культурных ценностей. Культура здесь предстает одним из показателей уровня общественного развития вместе с экономикой и социально-политическими институтами. В ней «воплощаются потребности и возможности жизни человека во всех ее проявлениях»⁴.

В свете системно-функционального и других современных подходов культура русской дореволюционной провинции становится важнейшей составляющей культурного процесса, системообразующим звеном в связях и противопоставлениях: столица – усадьба, столичный город – провинциальный город, город – деревня. Каждая сословно представленная субкультура, или, по определению автора, «культурное пространство» отдельных социальных групп, имели свои центры и свою периферию развития. Усилим аргументацию А. С. Майоровой в обоснование актуальности избранной темы рассуждением о том, что именно на периферии происходило ослабление жесткости структур и нормативов. Следовательно, увеличивалась вариативность возникающих здесь культурных ориентаций. Российская провинция, включавшая Саратовский край, одновременно выступала и сферой генерирования новых явлений, и ареалом сохранения традиций в культуре.

Исследование отдельных полей культурного пространства различных социальных и территориальных групп населения Поволжья предпринималось А. С. Майоровой и прежде. В рамках отдельных статей были рассмотрены вопросы культуры дворянства⁵, купечества⁶, духовенства⁷, других сословий. Однако в рамках одной монографии общее и особенное в культурном пространстве каждого из них выглядело более отчетливо.

Исследовательница не раз цитирует работу Н. К. Пиксанова, с чем можно только солидаризироваться. К сожалению, при этом допускается ставшая привычной ошибка, когда разработанную им программу именуют «историко-краеведческим семинаром». На самом же деле известный учёный, родившийся и работавший в Саратовском крае, определял этот семинар как «историко-краеведный»⁸.

Говоря словами Н. К. Пиксанова, «изучение областных культурных гнезд принципиально важно для всего общероссийского культурного процесса», поскольку это дает возможность составить реальную картину культурного уровня общества в целом, соотношения культуры столиц и провинции в этом процессе. То, что саратовское «областное культурное гнездо» является одним из самых значимых для России, А. С. Майорова не раз вслед за Н. К. Пиксановым доказывает на страницах своей монографии.

Культура провинции в России, «стране больших пространств», – часть образа нации. Начинания городского и уездного общества во всех его слоях, как показано в рецензируемой книге, не должны остаться за пределами истории культуры из-за слабой разработанности проблемы или долго сохранявшегося негативного восприятия термина «провинция».

В силу своей большей демократичности культура провинции, в том числе городская, была более тесно связана, чем столичная, с культурой традиционной, прежде всего, крестьянской. Однако только синтез культурных новаций и традиций и может быть плодотворным для общественно-культурного прогресса. Целая глава в книге А. С. Майоровой, посвященная народной культуре (с. 28–96), является вполне уместной и необходимой в данном издании. Деревня может рассматриваться как своеобразный центр культурного обогащения нации, происходившего в ходе коллективного творчества, правда, выглядевшего в то время уже несколько архаичным. Дополнительным фактором сильных традиционалистских тенденций в народной культуре именно этого региона являлось распространение и влияние старообрядчества.

Продолжая линию, идущую от средневековья, и в XVIII в., и в XIX в. сохранялся непрофессиональный характер крестьянской духовной культуры, тесно связанной с традиционными институтами деревни – семьей и общиной. Однако при их посредстве осуществлялись не только простое воспроизводство традиций, но и выработка или восприятие новых, отвечающих времени форм культурной жизни, показателем чего стало проникновение в село школы и медицины нового времени. На эти аспекты культуры сельских жителей автором обращено, по нашему мнению, меньше внимания, чем они того заслуживают. Возможно, это связано с состоянием источниковой базы и историографии по данным вопросам саратовского регионоведения. В любом случае здесь остается простор для будущих работ, как самого автора, так и других продолжателей изучения культуры приволжского края.

На другом социальном «полюсе» культуры России в XVIII – первой половине XIX в. шел процесс кристаллизации самосознания дворянства, центрами которого, а также ретрансляторами культурных ценностей «благородного сословия» становились не только столичные салоны, но и отдаленные усадьбы. Отсюда можно сделать вывод о вполне правомерном и адекватном выделении в книге А. С. Майоровой специальной главы о культуре саратовского дворянства, показанного, прежде всего, в «культурном пространстве» его имений и усадеб (с. 97–164).

Мир загородных усадеб, в том числе расположенных в Поволжье, стал той сферой социально-культурной периферии, пограничной зоной «культурного пространства» дворянства. Там было значительно ослаблено регламентиру-

ющее воздействие чиновных бюрократических установлений, а потому легче зарождались новые веяния и устремления.

Провинциальный город также являлся одним из очевидных периферийных центров культуры, как и усадьба, но был лишен сословной одностронности последней. Очевидно, что дворянская культура провинциального города была нетождественна купеческой и мещанской, но пересекалась с ними чаще, чем усадебный быт с крестьянским. Не случайно, что А. С. Майорова рассматривает культурную среду дворянства в городе отдельно от усадебной (с. 200–204).

В свою очередь, культурные запросы горожан разной сословной принадлежности выражались как в индивидуализированных формах, близких дворянским, так и в коллективистских действиях, воззрениях, представлениях «градских обществ», схожих с крестьянскими мирами⁹. Автор подчеркивает не просто своеобразие культуры провинциального города вообще, но и отдельных категорий его жителей (купцов, мещан, дворян, чиновников, духовенства и др.).

То, что городам Саратовского края уделено две главы, составляющих половину текста монографии, вполне понятно и с содержательной, и с источниковедческой точек зрения. В отдельные главы выделены очерки культуры Саратова (с. 165–249) и уездных городов губернии (с. 250–320). Причем последние разделены на несколько категорий по своему происхождению, экономической значимости и социальному составу.

Традиция внимательного отношения к уездным городам вообще прослеживается очень отчетливо в региональной саратовской историографии. Впрочем, она занимает всё больше места и в исследованиях коллег из других регионов¹⁰. Следование этой традиции выглядит вполне закономерно со стороны учёного, занимающегося историей культуры такого края, где в ряду уездных городов присутствовало широкое многообразие¹¹, где находились такие уникальные феномены общероссийского масштаба, как уездный Вольск.

В целом именно культурная среда русской провинции с наибольшей полнотой отражала многообразие тенденций отечественного культурного развития, в которых заметные изменения, идущие из-за рубежа или столиц, сочетались с сохранением патриархальности в культуре, присущей русской деревне и провинциальному, прежде всего, уездному городу. Изучить и понять культуру провинции в масштабах определенного края и времени означает включить местные явления в систему национальных ценностей той или иной эпохи, а через нее – и нашей современности. Эту непростую, но благодарную задачу решает монография А. С. Майоровой. Провинциальная культура прошлого является неразрывной частью современной духовности и одновременно средством воспитания последней. История культуры представляется особо важной частью «local history»

в процессе «обращения жителя определенного места к прошлому своего локуса для конструирования местной исторической памяти»¹². Об этом еще раз на высоком исследовательском уровне напоминает новая книга.

Показателем высокого профессионализма историка-исследователя также является знание трудов предшественников и ныне работающих коллег, что демонстрируется автором через уважительное и вместе с тем критическое, но всегда внимательное отношение к их работам. Со своей стороны, ученые из других городов Поволжья и всей России могут ориентироваться на книгу А. С. Майоровой как на пример успешного изучения одной из региональных частей великой русской культуры в один из ее замечательных периодов. Научному успеху автора как раз во многом поспособствовала продуманная и обоснованная методологическая база осуществленного ею исследования.

Примечания

- ¹ См.: Майорова А. С. Открытие Саратовской губернии в 1781 году и последствия этого события для губернского города // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2007. Т. 7, № 1. С. 11–20.
- ² Смирнов Ю. Н. Традиция и культура городского населения Самары в записях и осмыслении образованных краеведов середины XIX века // Модернизация культуры : идеи и парадигмы культурных изменений : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Самара, 2013. Ч. 2. С. 59.
- ³ См.: Очерки русской культуры XVIII века : в 4 ч. Ч. 1–4. М., 1985–1990 ; Очерки русской культуры XIX века : в 6 ч. Ч. 1–6. М., 1998–2005.
- ⁴ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. М., 2008. С. 7.
- ⁵ См.: Майорова А. С. Культура и повседневная жизнь дворянства Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века // Российская история. 2010. № 4. С. 118–134.
- ⁶ См.: Майорова А. С. Культурные новшества в среде купечества Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14, № 2. С. 100–107.
- ⁷ См.: Майорова А. С. Саратовская духовная семинария и ее роль в преобразовании культурного пространства губернского города в первой половине XIX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2005. Т. 5, № 1–2. С. 21–28.
- ⁸ Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда : историко-краеведный семинар. М. ; Л., 1928.
- ⁹ См.: Смирнов Ю. Н. Устная история «молчаливого большинства» : основные вехи прошлого Самары в представлениях купцов и мещан середины XIX века // Изв. Самар. науч. центра Рос. академии наук. 2013. Т. 15, № 5–1. С. 221.
- ¹⁰ См.: Гусев Т. М., Тараканова Н. Г. Уездные города Среднего Поволжья во второй половине XIX в. : проблемы и перспективы изучения // Вестн. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. Т. 26, № 2. С. 160–164.
- ¹¹ См.: Майорова А. С. Общественно-культурная среда уездных городов Саратовской губернии : города-крепости в конце XVIII – первой половине XIX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2012. Т. 12, № 4. С. 27–34.
- ¹² Смирнов Ю. Н. «Мордовская история» профессора В. А. Юрчёнкова : local history как область историописания // Центр и периферия. 2015. № 4. С. 121.

Л. М. Артамонова,
доктор исторических наук
(Самарский государственный
институт культуры)